Чтобы отвлечься от всей той путаницы, в которую превратилась его жизнь, Аксель усердно помогал Моримото распаковывать коробки и обустраивать дом. Он так и не понял, зачем они работали над тем, чтобы снова сделать старый дом пригодным для жизни, но, крайней мере, так он мог чем-нибудь занять свои руки. Это помогало отвлечься, даже если содержимое некоторых ящиков напоминало ему о том, где он находится. Во многих ящиках лежали инструменты или украшения, но были и другие, наполненные оружием, таким как кунаи и сюрикены.

Аксель также не знал, как Моримото рассчитывает продать все эти вещи достаточно быстро, чтобы вернуться к сыну до того, как тот сожжет что-нибудь. Не то чтобы Кичиру специально что-то поджигал, но, если честно, иногда он был очень рассеянным. Это было почти обоснованное беспокойство.

Выбив дно одной из последних картонных коробок и сложив ее ровно, Аксель бросил ее в кучу к остальным. После целой недели бездумной работы по распределению содержимого всех этих коробок по дому, они, наконец, подошли к концу.

Моримото, который что-то делал в кузнице (да, в этом доме была кузница, и она была потрясающей), вошел в комнату с подозрительно счастливой ухмылкой.

— Уже заканчиваешь?

— Кажется, да? — ответил Аксель, наполовину потому, что не был уверен, сколько времени займет распаковка остального, а наполовину потому, что не был уверен в использовании слова «упакован» в этом предложении. — Еще три коробки.

— Прекрасно! — Кузнец подошел и открыл одну из последних коробок, кивнув сам себе, когда узнал то, что было внутри. — О, точно. Это лучше приберечь на потом.

Решив не задавать вопросов, Аксель лишь пожал плечами.

Моримото воспользовался молчанием как возможностью настоять на том, чего он добивался от Акселя с того первого дня в деревне. А именно:

— Мне нужно купить еще кое-что для кузницы, топливо и тому подобное. Не хочешь присоединиться ко мне?

То, что Аксель больше не находился в состоянии шока от резко изменившегося мира, еще не означало, что он был готов к встрече с этим изменившимся миром. Поэтому он долго избегал попытки выходить на улицу или даже смотреть в окно. Используя довольно неубедительное оправдание, он ответил:

— Здесь так много дела, которые мне еще нужно сделать.

— Я думаю, ты имеешь в виду «дела». В смысле «есть так много дел», что, полагаю, является правдой — кузнец сделал паузу, прежде чем резко добавить: — Или, по крайней мере, было правдой. Думаю, ты можешь уделить мне час или около того.

Глаза Акселя метнулись к двери, потом обратно к человеку, пытавшемуся убедить его пройти через нее в мир за дверью. Тот странный мир за дверью, который должен быть выдумкой.

— Мне все еще нужно, э... я... я мог бы... почистить еще? — это прозвучало как вопрос.

Не впечатленный ни одним из неубедительных оправданий, Моримото скрестил руки и сурово посмотрел на блондина.

— Я не знаю, чего ты так боишься, но здесь это не пройдет.

Он начал протестовать, но слова затихли, не успев закончить предложение. Это была правда, понял Аксель. Он был напуган. В этот момент это было больше, чем отрицание, беспокойство или дискомфорт; это был страх, простой и понятный.

Пришло время встретиться с этим.

— Besser spät als nie, — сказал он себе, закрепляя свое решение. — Я… я думаю, мне нужно когда-нибудь это сделать.

Суровый взгляд кузнеца расплылся в довольной улыбке.

— Хорошо! Я планировал пополнить запасы в кузнице, знаешь ли. Это хороший шанс для тебя посмотреть, как это делается.

Не совсем понимая, что имеется в виду, Аксель спросил:

— Зачем мне нужно…

Вопрос был быстро прерван, когда Моримото направил его к двери.

— В любом случае, поехали! Есть куда пойти, что купить, а в сутках всего столько часов.

Теперь Аксель был настроен весьма скептически. Но, не понимая, о чем идет речь, он просто позволил дотащить себя до двери. Он стоял на пороге, натягивая ботинки гораздо медленнее, чем нужно, и пытался настроить себя на встречу с этим миром. Не то чтобы оттягивание встречи могло облегчить ситуацию.

Будучи готовым настолько, насколько это вообще возможно, он вышел вслед за Моримото на улицу.

Стоял прекрасный день, солнце светило ярко, и не было видно ни облачка. Он всегда считал, что вымышленная Коноха удивительно красочна для деревни, полной ниндзя, и было совершенно ясно, что это впечатление верно. Даже здесь, в заброшенном районе, крыши домов все еще были окрашены в яркие оттенки синего, оранжевого, красного и зеленого. Растения росли везде, где могли, теперь, ведь никто не заботился о поддержании дорог и зданий, но это означало лишь то, что на бледных стенах было больше оттенков зеленого.

Он сделал глубокий вдох, оценив чистые, природные ароматы в воздухе. Ветерок, теплый, с легким оттенком приближающейся летней жары, трепал его короткие волосы. Над головой светило солнце, а под ногами была твердая земля.

Мир был таким же реальным, как и раньше. Просто… другим.

Сосредоточившись на этом, он начал следовать за Моримото.

— Куда мы идти?

— Ты наверное хотел сказать «идем», Аксель.

Знакомый с этой рутиной, он просто поправил:

— Куда мы идем? Что-то связанное с кузнечным делом?

— Я знаю одного парня в районе рынка, — был совершенно бесполезный ответ.

— Для кузнечного дела, да"

Моримото пренебрежительно махнул рукой, ответив:

— Старый деловой партнер. Подумал, что я, знаешь ли... — на самом деле Аксель не знал. Пожилой мужчина туманно закончил: — Что хорошо иметь контакты.

— Э-э, ладно? — Аксель не был уверен, что еще можно сказать, кроме, может быть, слегка раздраженной жалобы на обход темы. Честно говоря, он не понимал, что такого сложного в том, чтобы говорить прямо.

Возможно, это была еще одна особенность мира ниндзя.

По мере приближения к краю заброшенного района (а это заняло не так много времени, как он ожидал) они все чаще натыкались на людей, просто бродящих по улицам. А когда людей становилось больше, всегда можно было заметить хотя бы одну промелькнувшую тень, отбрасываемую проходящим ниндзя.

Это немного тревожило.

Все было просто... настолько другим, что сбивало его с толку.

Честно говоря, он чувствовал себя немного подавленным, чем больше людей он видел; каждое новое лицо, и особенно те лица, которые вызывали это смущающее чувство узнавания, только подчеркивали, как далеко от дома он на самом деле находится.

Больно было думать о доме.

Ведь это был не просто другой конец света.

Но он просто сделал еще один глубокий вдох. В конце концов, он был здесь. Как бы ему ни хотелось иного.

— Вот мы и пришли, — наконец сказал Моримото, ведя его в небольшой магазин, откуда доносился звон молотков и приглушенный гул огня в печи.

Аксель уставился на дверь, окрашенную в яркий зеленый цвет, но еще больше он уставился на вывеску, висевшую на ней. Потратив мгновение на то, чтобы перевести написанное на ней в звуки, он понял, что только что потратил время на разгадывание вывески, которая просто указывала на то, что магазин, по сути, открыт.

— Ой, — признал он, не отрывая глаз от трех напечатанных символов. Отвлекшись, он не заметил растущего беспокойства Моримото.

Пожилой мужчина не был слепым и уж точно не был социально неполноценным, как скала, а именно таким он должен был быть, чтобы не заметить глубокой печали, которая иногда поселялась в душе его светловолосого друга. В одну секунду Аксель был в порядке, потом его взгляд переходил на окно или останавливался на чем-то совершенно обыденном, например, на

палочках для еды, и вдруг он просто закрывался.

Как сейчас.

Моримото положил руку на плечо Акселя; он научился, что контакт помогает вытащить младшего из того, что увлекло его мысли в первую очередь.

— Можешь подождать здесь, если хочешь. Свежий воздух пойдет тебе на пользу.

С язвительной улыбкой Аксель ответил:

— Думаешь, я тебя смущу?

— Нет, — ответил кузнец, — но ты можешь опозориться.

Казалось, у Акселя не было аргументов для этого, он пробормотал что-то похожее на согласие с этими странными иностранными звуками.

— Gute Entscheidung.

Решение было принято, и Моримото направился в магазин без перемещенного в пространстве блондина. Аксель прислонился спиной к стене рядом с зеленой дверью, собираясь ждать и стараясь не думать о том, где он находится.

Так он поступал с тех пор, как впервые осознал, что Коноха — это Коноха.

Честно говоря, он был смущен. Формально он был здесь уже больше месяца, хотя большую часть этого времени он ничего не знал. И все же он все еще боялся смотреть на окружающий мир. Этому нужно было положить конец. Сейчас. Сглотнув от нерешительности, он повернулся к горе и едва смог разглядеть третье лицо между зданиями. Его голубые глаза уставились в невидящий камень.

Его сестра не была бы так встревожена. Может быть. Адри достаточно часто рассказывала ему о подобных историях, так что, по крайней мере, она не была бы застигнута врасплох.

О Боже, его сестра.

Эта мысль, словно что-то холодное, проникла в его нутро и обхватила позвоночник. Не в силах стоять, он сполз по стене вниз, пока не оказался сидящим, сложив колени на груди.

Возможно, он никогда больше не увидит ее.

Потому что, несмотря на то, что он все еще дышал, для нее он мог быть мертв. И для своих родителей. И для своих друзей.

Его мира.

Он отвел взгляд от лица горы.

— …Аксель-сан? Или, э-э, Аксель?

Моргнув, чтобы перефокусироваться, он поднял голову, услышав обеспокоенный голос. — Минато?

На долю секунды Аксель не узнал стоящего перед ним человека. Ну, он узнал его внешность. Почти, во всяком случае. Добавьте длинный белый халат, отороченный стилизованным пламенем, и отрежьте несколько сантиметров роста. Воспоминания о сестре наложились на «здесь и сейчас». Она стояла на вершине лестницы и демонстрировала свой последний костюм (или последний косплей, как бы она его поправила) со счастливой, благодарной улыбкой. Он сделал для нее несколько ножей персонажа, хотя и тупых, чтобы завершить образ.

В воспоминаниях она покрутила один из них на пальце, но он сделал всего три полных оборота, прежде чем соскользнул. Они разделили удивленный смех, когда он ударился об пол и оказался торчащим вертикально из ковра.

— Я первая спросила, — ответила ниндзя, улыбаясь лишь слегка обеспокоенно. — Что ты там делаешь?

Аксель закрыл глаза от счастливого воспоминания - теперь оно было окрашено резкой потерей - и посмотрел мимо своих коленей на чистый тротуар, на котором он сидел. Поскольку ниндзя ожидал ответа, а Аксель понятия не имел, как сказать по-японски «размышляю о судьбе своего предыдущего существования», он решил сказать:

— Думаю о... жизни.

С выражением лица, которое говорило о том, что он точно знает, какого рода размышления могли иметь место (то есть, мрачные и печальные) Минато протянул ему руку.

— Опасная игра, — заметил он.

Приняв руку и позволив вытянуть себя в вертикальное положение, Аксель возразил:

— Но ее нужно сделать".

— «Сделать?»

Аксель проанализировал свое предложение, затем поправил:

— Это нужно делать. Или, может быть, играть. У меня проблемы со словами.

— Какие проблемы? — спросил Минато, открыто интересуясь.

— Ну... — Наверное, это была не самая лучшая идея - говорить сумасшедшую правду, но он не удержался и сказал: — Japanisch ist nicht meine Muttersprache.

Минато моргнул раз, потом два: удивление и любопытство играли на его лице, смешиваясь с некоторой растерянностью.

— Подожди, что?

Конечно, вместо ответа на вопрос Аксель полностью сменил тему.

— Зачем ты вообще здесь?"

Немного обидевшись на явное перенаправление, Минато туманно ответил:

— Да так, Аксель-са... Аксель.

Наверное, было странно обращаться к незнакомому человеку без всяких почестей, о чем свидетельствовали запинки ниндзя. Но, с другой стороны, это было не так уж и странно, раз Минато согласился без протеста.

Прежде чем Аксель успел высказать нахальную догадку о цели присутствия другого блондина (ведь они стояли возле магазина) зеленая дверь распахнулась, и на улицу вышел Моримото.

— Здравствуйте, Намикадзе-сан, — поприветствовал он, одной рукой деловито складывая несколько бумаг, а другой весело махая рукой. — Как вы поживаете последнюю неделю?

— Взорвал еще кого-нибудь? — добавил Аксель, не в силах удержаться от желания поддразнить. В конце концов, он был старшим братом.

— А, ну, насчет этого...

— Шиноби, — усмехнулся Моримото. — Всегда что-то замышляют.

Аксель действительно был вынужден согласиться, хотя до сих пор его единственным опытом общения с ниндзя был Гай; из шоу он знал, что даже большинство других ниндзя считают его и его... молодость необычными, так что это, возможно, не самая точная оценка.

Однако Минато, похоже, тоже был согласен. Он просто улыбнулся, но с удовольствием. — Я потерял много хороших кунаев, поэтому я здесь, но я думаю, что это того стоит.

Он потянулся в один из карманов жилета и достал то, что осталось от одного из его метательных ножей: вероятно, это был самый кончик лезвия, хотя трудно сказать, поскольку он расплавился, превратившись в едва заостренный шарик.

Честно говоря, Аксель был впечатлен.

— Сколько?

— Может быть... около пятидесяти? Шестьдесят? — Минато смущенно почесал затылок. — Я сбился со счета примерно на тридцати двух.

— Das kann nicht dein Ernst sein! — в недоумении воскликнул Аксель, не обращая внимания на растерянные взгляды, которые его иностранный язык вызывал у других людей, идущих по улице.

Моримото разразился смехом.

— И именно поэтому, — сказал он, продолжая хихикать, — в этом городе хорошо быть кузнецом.

Они провели еще несколько минут в беседе, обсуждая как создание, так и уничтожение различного оружия ниндзя, прежде чем Минато резко понял, что у него действительно нет времени на разговоры. Быстро извинившись и еще быстрее попрощавшись, блондин унесся прочь, как подстреленный, планируя купить еще кунаев.

Моримото был слегка разочарован тем, что не пригласил его заглянуть к нему домой: вроде как на свидание, только не так сформулировано. По его мнению, Акселю действительно нужно было завести несколько друзей. И, в конце концов, от него не ускользнуло, что Акселю очень понравилось болтать с Минато.

Когда они возвращались в дом, настроение у Акселя было лучше, чем уже несколько дней назад. Это тоже не осталось незамеченным Моримото.

— Рад видеть, что ты снова улыбаешься, — он зашагал по короткой, но заросшей тропинке к дому. Затем, мягким тоном, который говорил о том, что он хочет знать, в чем дело, он добавил: — Вы заставили меня волноваться.

Занимаясь ключами и отпирая дверь, Моримото, казалось, либо не заметил, либо просто проигнорировал то, что его слова заставили Акселя замереть на месте.

Затем, когда молчание затянулось, он мягко добавил:

— Тебе не нужно ничего мне говорить, если ты не хочешь.

Аксель знал, что в конце концов ему придется затронуть эту тему, но слова все равно застряли у него в горле. Прошло несколько дней с момента его первоначального осознания, но этих дней было недостаточно. Так же, как он избегал внешнего мира, ему еще предстояло признать это вслух: это казалось слишком... окончательным. Слишком реальным.

Но он, конечно, должен был это сделать. Если сказать это вслух, ничего не изменится.

— Когда мы только приехали сюда... — нерешительно начал Аксель. — Или, ну, я полагаю, когда мы еще не добрались сюда, но когда мы впервые увидели деревню — он сухо сглотнул и почувствовал, что не может продолжать.

Моримото, который надеялся получить ответ, но на самом деле не ожидал его получить, положил успокаивающую руку на плечо своего друга.

— Все будет хорошо, — сказал он. — И можешь не сомневаться, если я смогу помочь, я помогу.

Аксель кивнул, все еще собираясь с духом. Когда он снова заговорил, его резкий акцент стал намного тяжелее.

— Я вижу, э-э, видел это - деревню - и я... вспомнил, я думаю. Я не могу... все... — он снова прервался, глубоко вздохнул и закончил: — Мне некуда идти.

Он подумал о своей сестре, и еще один укол душевной боли охватил его грудь. Было трудно дышать. Его семья, его друзья, его дом, его мир, его все: все это исчезло.

Может, технически он и не погиб в той автокатастрофе (кто знает, что на самом деле произошло) но он подумал, что это может быть еще хуже. Живой, но один. Разделенный.

— Ой — Пожилой мужчина не убрал руку, и когда Аксель взглянул на него, чтобы оценить выражение его лица, Моримото утешительно улыбнулся. — Но у тебя есть место. Это может быть не то же самое, что то, что ты потерял, но ты можешь оставаться там столько, сколько захочешь.

— ...Что?

Моримото не выглядел даже отдаленно смущенным.

— Пока я должен вернуться в Чотто, чтобы убедиться, что мой ребенок не вызвал какую-нибудь катастрофу...— очевидно, он и Аксель разделяли схожие опасения по этому поводу, — ...ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь.

Голос Акселя стал очень тонким, неуверенным, и он просто повторил:

— Что.

— Это место принадлежит мне, — продолжал пожилой мужчина, его расслабленный вид скрывал некоторую старую обиду в его голосе. — Конечно, район был заброшен примерно четырнадцать лет назад. Я забрал Кичиру и уехал, чтобы остаться с тем, что осталось от моей семьи.

Учитывая, что мужчина теперь жил один со своим сыном, Аксель мог предположить, что что-то случилось. Что-то, во что ему не стоит лезть сейчас, а может быть, и никогда. Вместо этого он спросил:

— Почему вы позволили мне остаться здесь?

— Он пустой, я им не пользуюсь, а тебе нужно где-то жить. Почему бы и нет?

— Потому что... потому что es ist... — Вспышка гнева оборвалась почти так же быстро, как и началась, и все, что смог сделать Аксель, это выразить растерянность. Он потерял хватку японского языка (часть его рассеянно спрашивала, называется ли этот язык здесь японским) и он подозревал, что ему понадобится время, чтобы восстановить ее.

— Послушай, Аксель — Спокойный тон Моримото требовал его внимания. — Ты хороший парень. Мне нравится думать, что за последний месяц я узнал тебя довольно хорошо, учитывая, что ты жил под моей крышей, и Кичиру определенно думает о тебе как о старшем брате.

Аксель все еще не мог подобрать ни одного слова, но даже если бы он смог собрать достаточно слов, чтобы составить понятное предложение (что было сомнительно) пожилой мужчина еще не закончил.

— Мой сын, ну... у него есть несколько близких друзей, но он, конечно, не светская бабочка. И уж точно он не дружит с почти мертвыми незнакомцами, которых находит в лесу — На его лице появилась довольная ухмылка,

Убрав руку с плеча Акселя, он добавил:

— Так что смотри, даже если бы я не доверял своему собственному мнению о тебе, я бы доверял его. Почему бы мне не помочь тебе?

Моргание, затем еще одно. Почти шепотом Аксель сказал просто:

— Спасибо.

— Нет проблем. Я имею в виду, это выгодно для всех нас — Моримото выглядел немного виноватым и, жестом указав на дом в целом, пояснил: — Я вроде как надеялся навязать вам это место на некоторое время.

— Некоторое время? С каких пор?

Он пожал плечами.

— С тех пор, как я узнал, что ты отлично владеешь кузнечным делом. Подумал, что ты мог бы возобновить кузницу здесь.

— Ты был… с… И подожди, так я мог бы ЧТО?

***

— И что именно, — шипел он, — ты можешь под этим подразумевать?

Змея свернулась калачиком, инстинктивно отпрянув, но глаза ее оставались острыми, как граненое стекло. Когда она заговорила, слова переходили одно в другое почти шепотом. — Именно это я и сказал, хозяин.

На долгий миг напряжение стало густым, как кровь, и единственным звуком в лаборатории была тихая капель: бюретка выпускала одну каплю кислоты в образец неизвестного раствора. Измерено, рассчитано, предсказуемо.

— Понятно

В тишине лишь было слышно, как что то капает.

Не смея пошевелиться, маленькое существо просто смотрело в ответ. Он сделал то, что ему было приказано. Он наблюдал, слушал и, наконец, доложил. Теперь оставалось только ждать.

Золотые глаза холодны как лед, голос обманчиво спокоен, угроза осталась невысказанной, и он спросил:

— Ты говоришь, что мои печати были плохо нарисованы?

— Нет, хозяин, — ответила змея. — Только то, что они были неправильными.

Медленное, размеренное моргание.

— Объясни.

Язык высунулся, чтобы попробовать воздух на вкус, с осторожностью пытаясь оценить тон этого единственного слова.

— Есть два тепла.

— Два, — повторил он с той же пустотой. — Там, где мои печати находили только один.

Опасный, решила змея. Да еще и с уязвленной гордостью. Нужно было подходить к этому осторожно. Потянувшись вверх, изящно изогнувшись, она успокоила:

— Два тепла, да. Но только одна чакра.

На него посмотрели с укором.

— Как звучит, учитель, — сделав движение, которое, скорее всего, было змеиным пожатием плеч, он добавил: — Я наблюдал, я чувствовал. Я уверен в этом.

И опять в тишине слышно как что то капает.

— Это невозможно, — сказал он наконец. — Отсутствие чакры, это то же самое, что смерть.

Змея ничего не ответила.

Серия быстрых знаков рукой, затем резкий удар по стене и точный импульс чарки, послал черные линии наружу от его указательного пальца. В стремительном каскаде чернил точными штрихами нарисовалась карта заброшенного района. Несколько точек мигали, перемещаясь или оставаясь на месте, обновляя положение отслеживаемых сигнатур чакры. Осмотрев всю печать беглым, но тщательным взглядом, он не обнаружил никаких явных дефектов.

Поэтому, забрав свою чакру, он позволил ей угаснуть.

Он закрыл глаза, размышляя. Змея ждала.

И тихо, с постоянным ритмом

И вновь слышны капли воды.

— Ты бы не стал мне лгать, — сказал он наконец, но это было похоже на обвинение.

— Никогда, Орочимару-сама.

Его улыбка была медленной и, как нож, сверкала убийственным острием.

— Очень, очень интересно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

http://tl.rulate.ru/book/83135/2757625